

Светлана Дурягина

ЧАСТИЦЫ БЫТИЯ

Рассказы и очерки

Светлана Дурягина

Частицы бытия

«Логос»

2020

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Дурягина С. В.

Частицы бытия / С. В. Дурягина — «Логос», 2020

ISBN 978-5-907258-80-8

В этом сборнике рассказов и очерков есть всё, из чего состоит человеческая жизнь, – и юмор, и трагедия, и мистика, и любовь, и память о героическом прошлом, и размышления о проблемах современного общества. Рассказы написаны для взрослого читателя, любящего жизнь во всех её проявлениях. Их герои – студенты, школьники, учителя, журналисты, солдаты чеченской войны и войны с Наполеоном и Гитлером, старики и старухи из вологодской глубинки и совсем ещё молодые ребята, впервые познавшие, что такое любовь. Очерки расскажут о самом авторе и об интересных людях, встретившихся на его пути. Небольшие по объёму и разнообразные по тематике произведения не вызовут утомления. Скучно читателю не будет. Книга написана добротным русским языком.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-907258-80-8

© Дурягина С. В., 2020
© Логос, 2020

Содержание

От автора	6
Рассказы	7
Блазнит	7
Красавица и чудовище	11
Чеченец	18
И аз воздам!	22
Две потери	24
Почему?	28
1812	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Светлана Владимировна Дурягина

Частицы бытия

© С. В. Дурягина, текст, 2020

© Издательство «Логос», 2020

От автора

Уважаемый читатель! В этой книге собраны рассказы и очерки, опубликованные ранее в разных межавторских сборниках, газетах и журналах. Мне захотелось собрать их под одной обложкой, чтобы не растерять в суете повседневной жизни. О чём мои рассказы? Думаю, название книги говорит само за себя. В них есть всё, чем наполнена человеческая жизнь, и многое из того, что пришлось пережить мне самой или знакомым мне людям. Поэтому хочу обратиться к тебе, читатель, словами А.С. Пушкина, ведь лучше всё равно сказать невозможно:

*Прими собранье пёстрых глав,
Полусмешных, полупечальных,
Простонародных, идеальных,
Небрежный плод моих забав,
Бессонниц, лёгких вдохновений,
Незрелых и увядших лет,
Ума холодных наблюдений
И сердца горестных замет.*

Рассказы

Блазнит

Кто из вас, читатель, хотя бы раз в жизни не испытал мистического ужаса перед чем-то, чего здравыми размышлениями и объяснить нельзя? Наверное, только те, кого судьба оберегает от трагических событий, и они шагают по жизни, точно зная, что человек произошёл от обезьяны, что душа – это выдумка попов, а после смерти ничего нет, и поэтому жить надо весело и легко, не забывая себе голову поисками ответа на вопросы: «Что такое «хорошо» и что такое «плохо»?»

К такой категории людей и принадлежали две подружки-студентки первого курса Вологодского пединститута Ленка с Ириной, которые, сдав летнюю сессию, собирались в составе институтского стройотряда поработать в Бабаевском районе. Не то, чтобы деньги им были очень нужны, а просто хотелось новых впечатлений, знакомств, тем более, в деканате они слышали, что повезут их в неопишуемой красоты места, где живут удивительные люди – вепсы.

До Бабаева летели на самолете, потом небольшой участок пути тряслись на рейсовом автобусе, затем пересели в тележку попутного трактора «Белорус», а последние восемь километров шли пешком. Отряд был целиком девичий, поэтому вековой лес, вплотную теснящийся к просёлочной дороге, стонал и гудел от песен, хохота и взвизгиваний студенток, которые нет-нет, да и зачерпывали из глубокой колеи грязи в резиновые полусапожки.

Становилось темно и прохладно. Дороге, казалось, не будет конца. Девчонки приутихли: устали. И вдруг лес кончился, впереди и внизу они увидели круглое озерцо с чёрными банями на берегу и десятка два домов. В самом центре деревни над крышей одного из них трепетал алый лоскут. «Сельсовет», – решили девчонки и из последних сил потянулись туда.

Деревенские собаки особого внимания к гостям не проявили, так же, как и бригадир с деревяшкой вместо ноги, который встретил их на крыльце сельсовета. Оглядев с высоты трёх ступенек пеструю и по-городскому полуголую девичью команду, бригадир поскрёб в затылке заскорузлой пятернёй (при этом козырек кепки наехал ему на свекольного цвета картофелеобразный нос), почему-то тяжело вздохнул и пожаловался самому себе:

– Эх, едрит твою через коромысло! Какие нынче у меня работники-то!

Потом он вернул кепку на законное место, неуклюже спустился с крыльца и без особого энтузиазма в голосе скомандовал:

– Ну, девки, ступайте за мной! – и захромал к озерцу, светящемуся посреди деревни синим оком.

Дом, к которому бригадир привёл девчонок, находился на берегу и удивил тем, что состоял из двух половин: летней и зимней. Дверь была не заперта, и глазам студенток, толпой ввалившихся следом за бригадиром в дом, предстал во всей красе его хозяин – на полу среди батареи пустых водочных бутылок, широко раскинув руки и ноги, спал мужичок в майке и мятых брюках. После того, как бригадир потыкал его в бок деревяшкой, мужичок резво вскочил и, осоловелое моргая в пространство, плохо гнущимся языком произнёс:

– Куда едем-то, Никодимыч?

Бригадир, крикнув, строгим голосом ответил ему:

– Ну, вот что, Иван, энти вот студентки будут жить у тебя, а работать в колхозе. Ты смотри, давай, девок не обижай!

Мужичок, оглядев девичью команду, удивлённо присвистнул непослушными губами, поддёрнул спадающие с тощего зада штаны и миролюбиво согласился:

– Да ладно, мне что, пускай живут в зимнике.

Мебели в зимней половине на двенадцать человек оказалось маловато: кровать с блестящими никелированными шарами на спинке, самодельный деревянный диванчик, некрашенный стол и такие же лавки вдоль стен. Больше всего места в избе, как водится, занимала огромная глинобитная печь, уставленная чугунами и крынками всех калибров.

Спальные места распределили без драки: Света-большая взгромоздилась на кровать (спорить с ней, уважая её рост и вес, никто не стал); деревянный диванчик достался Ирине, как старосте, и Ленке, как её подруге; остальные заняли плацкарт на полу, подложив под бока всё, что нашлось тряпичного в доме: половики, фуфайки и даже валенки.

Утром бригадир принёс полмешка семечек и объявил: «Покуда другого провианта нету». Но Ванька Красильников (так представился студенткам хозяин дома и он же – водитель колхозного автобуса) великодушно предложил «постоялкам» копать у него в огороде картошку, и, приунывшие было, девчонки воспрянули духом.

Первые несколько дней им предстояло сушить зерно. Механизмы на сушилке обслуживал местный парень Коля, худощавый, небольшого роста, светловолосый, с ласковыми синими глазами. По всему было видно, что девчонки ему нравились все сразу: ухаживал он за каждой, но благоговел лишь перед Светой-большой, которой был по плечо. Вечером Коля с гармошкой приходил к студенткам в гости, скромно садился у порога и тихонько наигрывал «страдания», а Света-большая благосклонно взирала на него сквозь очки со своего пружинного никелированного ложа.

Деревенские парни тоже приезжали в гости, каждый на своем тракторе. Они окружали дом грохочущими и воняющими выхлопами солярки гусеничными монстрами, светили в окна фарами. Вечно пьяный Ванька Красильников хватал топор и грозился перестрелять всех этих придурков. Но дело обычно заканчивалось тем, что Света-большая, обняв его за мосластые плечи, добродушно басыла: «Ваня, плюнь, пойдем, покурим», – и свирепый страж затихал, уткнувшись носом в Светину подмышку.

В субботу бригадир велел Ваньке истопить баню. Тот исполнил приказание, и после обеда, как всегда, не постучавшись, ввалился на зимнюю половину и громогласно скомандовал:

– Девки, в байну!

Девчонки, в предвкушении горячей воды и парилки, радостной гурьбой отправились за ним. Бани в деревне топились по-чёрному, электричества в них не было: мылись с керосиновой лампой, вокруг которой клубился дымный воздух. Первой не выдержала Ирина и с криком: «Девчонки, за мной, в озеро!» – сиганула за дверь. Озеро находилось в двух шагах от бани. За старостой с визгом высыпали остальные.

Когда они промыли глаза, то увидели сидящих рядком на берегу деревенских ухажёров, которые с интересом рассматривали обнажённых студенток. Девчонкам захотелось утопиться, и если бы не Коля, может быть, бригадиру с Ванькой пришлось бы вылавливать из озёрных вод двенадцать утопленниц. Коля появился у озера, словно с неба упал, подошёл к парням и тихо сказал им что-то по-вепски. Они нехотя поднялись и ушли, а с ними и Коля.

Вечером, когда девчонки укладывались спать на полу в своем зимнике, Света-маленькая запустила подушкой на кровать и громко заявила:

– Всё, девки, надоела мне эта половая жизнь. Завтра Коля придёт – поцелую его и попрошусь в квартирнтки.

Света-большая сползла с кровати, засучивая рукавчики ночной рубашки. Света-маленькая улепётывала от неё вокруг печи, отбиваясь чугунами. Девчонки стонали от хохота, грохот и визг стояли невероятные, пока Ирина официальным тоном не приказала прекратить побоище.

В воскресенье днём Коля катал студенток по озеру на лодке-долблёнке, а вечером, засветив на корме фонарь, бил острой рыбу. Девчонки зажарили её на противне, наварили Ванькиной картошки и устроили пир на весь мир. А Коля играл на гармошке и ласково улыбался им синими глазами.

* * *

С понедельника бригадир перебрал студенток с зернотока на уборку льна. С утра капал дождь, а после обеда грело солнышко. Девчоночьи джинсы на коленях сначала намочили, потом высохли и деревенели, насыщенные грязью с льняных снопов. У студенток появилось выражение: «Поставь свои штаны в угол». А в среду в колхозе давали получку. Когда-то А. С. Пушкин сказал: «Не дай вам Бог увидеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!» Если бы классик жил в наше время, наверняка фраза эта видоизменилась бы таким образом: «Не дай вам Бог увидеть русскую деревню в день получки!» Пьяны были все: от мала до велика.

Время близилось к обеду. Девчонки, не разгибая спины, трудились в поле, изредка поглядывая на поляну с зарослями кустарника посередине, по которой на гусеничном тракторе катались, выписывая немислимые кренделя и горланя песни, деревенские парни (человек семь в кабине, не считая гармошки и собаки). Наконец они укатили в деревню, а девчонки добрались до поляны и решили отдохнуть. Ирина направилась к зарослям кустарника, но вдруг отпрянула и с разинутым в немом крике ртом побежала назад. Перепуганная Ленка кинулась к ней, а та вцепилась ей в рукав и, захлебываясь рвотой и слезами, истерично закричала:

– Не ходи туда, не ходи! Зовите бригадира!

Самые смелые все же подошли к кустам, и то, что они там увидели, наверняка, запечатлелось в их памяти на всю оставшуюся жизнь: в зарослях лежал Коля с раздавленной гусеницей трактора головой. Трясая от ужаса, плача, спотыкаясь о пласты развороченной земли, девчонки бежали с поля, не останавливаясь, до самого дома. Кое – как успокоившись, умывшись, легли спать.

Тёмная сентябрьская ночь смотрела в окна. Ирина с Ленкой лежали на своём деревянном диванчике молча, и каждая думала про другую, что та спит. Ленка не могла сомкнуть глаз. Размытый силуэт умывальника, который висел у двери напротив дивана, маячил перед глазами. Изредка тягучая капля глухо шлёпалась с железного носика в огромный оцинкованный таз, вмещавший ведра два, который дежурные обычно по вечерам выносили втроём. В трагической сумятице дня про таз забыли, и теперь он стоял, полный до краёв, и лунные блики освечивали с гладкой водной поверхности. Таз стоял на крышке подпола, которая густо заросла по щелям годами накопленной грязью и не открывалась, как потом выяснилось, уже много лет.

И вдруг Ленка увидела, как абсолютно бесшумно, медленно, эта крышка вместе с тазом стала подниматься, а под ней в темноте комнаты зияла плотная чернота, от которой ощутимо потянуло ледяным холодом. У Ленки волосы на голове зашевелились от ужаса, она крепко прижалась к Ирине и дрожащим шёпотом спросила:

– Ты спишь? – и прежде, чем та ответила: «Нет», – услышала, как у подруги стучат зубы.

– Ты видишь?

– Да!

А крышка поднялась уже довольно высоко, но вода из таза не проливалась. И тогда Ирина с Ленкой, вцепившись друг в друга, пронзительно завопили:

– А-а-а!

Крышка захлопнулась. Все вскочили, включили свет, из летней половины примчался всклокоченный Ванька. Долго не могли выяснить, что же случилось. Наконец, трясущимся и плачущим подругам брызнули в лица водой, и они, немного придя в себя, рассказали, в чём дело. Ванька расшаренился: он решил, что это деревенским оболтусам захотелось поугагать студенток, и они с улицы залезли в подпол, чтобы проникнуть в зимник. Однако при проверке оказалось, что единственное окно в подвале, заколоченное хозяином несколько лет назад, никто не трогал, а крышку, как Ванька ни дергал за кольцо, открыть не смог. Часа в два ночи все более или менее успокоились и улеглись. Но через полчаса уже несколько человек увидели то, о чём рассказали Ирина с Ленкой. Теперь уже ревели все, кроме Светы-большой. Она включила свет, велела всем одеться и увела девчонок на Ванькину половину. Там они и просидели до утра, сгрудившись на лавке возле хозяина, который не смог перебороть богатырского сна и храпел, как трактор.

Утром Ванька позвал бабушку-соседку, которая, ничуть не удивляясь, терпеливо выслушала девчонок и, перекрестившись, сотворив молитву, сказала:

– Это вам, девоньки, блазнит: Коля приходил. Любил ведь он вас. Вы сходите к нему домой, помяните его, он и успокоится.

Хоронила Колю вся деревня. Копали яму, несли гроб и засыпали могилу землёй под надзором участкового Колины друга и невольные его убийцы. Они не поднимали глаз, боясь встретиться взглядом с Колиной матерью, которая, видимо, уже выплакав все слезы, бессильно висела на руках плачущих соседок. Коля был её единственным сыном.

А девчонки на поминках впервые в жизни хлебнули по глотку самогона и долго хватали ртами воздух, сквозь выступившие слёзы спрашивая друг друга, как это можно пить.

2008 г. (Международный сборник, приуроченный к 300-летию со дня рождения М. В. Ломоносова, «Русская проза. XXI век»: издательство «Светочъ», Рига, 2012 г.)

Красавица и чудовище

Марина проснулась от грохота: в дверь колотили, похоже, ногой. Она с досадой посмотрела на экран мобильного – полседьмого утра. Боль в ухе не давала ей уснуть до трёх часов ночи, и теперь Марина, едва разлепив глаза и натыкаясь на мебель, побрела к двери. Полная дама, которую она впустила, ворвалась в номер подобно торнадо. Испепелив взглядом стоящую перед ней в ночнушке Марину, она наградила таким же взглядом стены, мебель, пробурчала: «И это люкс?!» – и ушла на балкон курить. Марина забралась под одеяло и с грустью подумала о том, что, кажется, её мечты о мирном отдыхе накрылись медным тазом.

Дама вернулась, спустя несколько минут, более-менее успокоенная привычной порцией никотина, плюхнулась на жалобно пискнувшую под ней кровать, достала из сумочки веер с затейливым орнаментом по кромке и, неторопливо обмахивая полное лицо с голубыми навывкате глазами, величественно спросила:

– Ну, и каков тут контингент?

Марина, стараясь не очень морщиться от боли в ухе и придав голосу максимум оптимистического звучания, ответила:

– Разный, много детей.

Дама, удивлённо приподняв бровь, проворковала ангельским голоском:

– Что Вы, милая, я имела в виду мужчин.

Марина сконфуженно заморгала:

– Ах, это? Да я, знаете, вчера только приехала и как-то не очень разглядела.

– А вот это напрасно. Первое, на что надо обращать внимание в санаториях, – это мужской контингент. Иначе деньги и время будут потрачены зря. Вас как зовут?

Марина представилась. Дама сложила веер, достала из сумочки зеркальце и, лучезарно улыбнувшись сама себе, сообщила:

– А меня можно называть просто Наташа. Я из Воркуты, учитель русского языка и литературы высшей категории. Этот санаторий мне сильно нахвалили. Ну, посмотрим-посмотрим. Итак, на завтрак?

Они расстались у лифта. Наташа пришла в ужас, когда узнала, что Марина ходит пешком по лестнице на седьмой этаж.

– Как можно так себя не любить? – искренне удивилась она.

После завтрака Наташа делилась с Мариной впечатлениями:

– Вы представляете, меня усадили в самом центре зала. Там такая духота и теснота! И мужчины за столом сидят с жёнами! Просто кошмар какой-то! А Вы сидите в элитном ряду, у окна. У вас там никто уезжать не собирается? Я бы перебралась к вам.

За столиком Марины освобождалось место, и она утешила Наташу, сообщив ей об этом.

– Ну, чем мы будем заниматься? – поинтересовалась соседка, распаковав свои сумки и раскинувшись на постели с веером в руках.

– Я пойду на процедуры. Их у меня много, поэтому до обеда мы не увидимся, – ответила Марина, складывая в пакет халат и полотенце.

– Да? Вам назначены процедуры? А зачем?

– Ну, в общем-то, я приехала подлечиться.

– И что Вам назначил доктор?

Марина перечислила. Наташа внимательно выслушала.

– Ага, – сказала она, – я думаю, мне тоже не мешает посетить врача. Пусть хотя бы давление измеряет.

За полчаса до обеда они снова встретились в номере. Марина отдохала после минеральной ванны, а Наташа делилась с ней впечатлениями от похода к врачу:

– Вы знаете, Марина, по-моему, доктор на меня запал. Он мне сказал, что я похожа на Татьяну Доронину. Но это все говорят. Представьте, он предложил мне похудеть хотя бы на пять килограммов! Но у меня же нет ничего лишнего! – Наташа нежно погладила себя по объёмистым бёдрам. – И два моих молодых человека тоже так считают. Серёжа, врач этот, назначил мне ванны, массаж и физкультуру. Господи! Я физкультурой в последний раз занималась в восьмом классе. Массаж мне назначен аппаратный, а я хочу ручной. Серёжа сказал, что с моим весом ручной будет не эффективен, но намекнул, что за деньги он мог бы сам делать мне массаж. А? Каков?! Деньги для меня – не вопрос. Я записалась. Идём обедать?

С обеда Наташа пришла очень довольная и весёлая.

– Марина, в лифте ко мне пристал какой-то пьяный мужчина. Он представился директором училища, поцеловал мне руку и звал в номер, у него был целый пакет спиртного. Я сказала, что мне известно, хоть я и не замужем, что пьющие мужчины не способны ни на что, кроме слов. Он так завёлся, что, если бы в лифт не вошли люди, не знаю, чем бы это всё закончилось. Теперь он будет приставать ко мне везде. Я уверена. Но не это главное. Соседка по столу рассказала мне, что здесь восьмой год подряд отдыхает один мужчина. Каждый раз он ищет себе жену. Богатый. Колей зовут. Я непременно должна с ним познакомиться. Сегодня мы идём на танцы.

Марина попыталась отказаться, сославшись на больное ухо, но Наташа была неумолима:

– Ухо заткнём ваткой и замаскируем причёской. Нельзя тратить жизнь на пустяки. И не могу же я идти одна: мне будет скучно. А вдруг этот Коля найдёт уже себе на танцах кого-нибудь?

Танцевальный зал был полон. Звучали шлягеры семидесятых годов, и народ, в основном люди, которым хорошо за пятьдесят, самозабвенно вспоминал молодость. Марина с удовольствием слушала песни, а Наташа громко хохотала и тыкала пальцем в худощавого мужчину лет шестидесяти, лихо отплясывающего быстрый танец, сопровождая его невероятными скачками. Марина попыталась урезонить товарку, но та не успокоилась, пока мужчина не обратил на неё внимания: взглянув на Наташу, он ужасно смутился, перестал прыгать и ушел с танцпола. А она, оборвав смех, радостно воскликнула:

– О! Это он! – поправила шиньон и со слоновьей грацией (видимо, копируя походку манекенщиц) отправилась через весь зал приглашать на танец нужного ей мужчину. Им оказался маленький, лысоватый, худощавый человек лет пятидесяти пяти в тщательно отглаженных белых рубашке и брюках. Наташе он едва доставал до уха, за талию обнять свою партнёршу Коля не смог: рук не хватило. Но было видно, что дама ему очень понравилась, и все следующие танцы они друг с другом не расставались.

Марина отправилась спать без Наташи, радуясь в душе, что больше не надо будет составлять ей компанию для развлечений. Проснулась она от телефонного звонка в час ночи; Наташин телефон надрывался, требуя хозяйку, которая появилась в необыкновенно благодушном настроении, спустя час, и замурлыкала в трубку голосом, употребляемым ею только при разговоре с мужчинами. Она убеждала Алёшеньку, что крепко спала и не слышала его звонков:

– Мальчик мой, как ты мог подумать, что в такой поздний час твоей Наташи может не быть в постели? А ты почему не спишь? Чем ты там занимаешься? Ну, Алёшенька...

И дальше – пять минут хорошо отрететированного воркующего смеха, которым Наташа смеялась всякий раз, когда разговаривала с мужчинами. Марине дико хотелось спать. Терзаемая болью в ухе, она мысленно проклинала беспардонную соседку, а та не торопясь попила чаю, покурила, приняла душ и завалилась спать.

Утром Марина опоздала на зарядку: проспала. Пришлось объяснять Раисе Осиповне, пожилой, но очень энергичной и обаятельной учительнице физкультуры, взявшей на себя роль капитана в их стихийно сложившейся временной приятельской команде, причину. Раиса Осиповна, выслушав Марину, назидательно обратилась к остальным женщинам:

– Вот видите, девушки, не все мужчины в этом санатории гладиаторы.

Марина удивилась:

– Причём тут гладиаторы?

– А Вы разве не знаете: статистики утверждают, что в санаториях 99 % мужчин – гладиаторы (их так в народе прозвали, потому что они способны женщину только гладить). Похоже, вашей Наташе повезло.

Женщины дружно рассмеялись и отправились на завтрак, а Марина сняла кроссовки и пошла по росистой траве босиком, тихонько охая и смеясь: обжигающий холод утренней росы будоражил кровь, порождал ощущение молодости и счастья. Марина провела ладошками по траве, умылась Божьей водичкой, подставила лицо солнечным лучам. Утреннее солнышко не обжигало, как в полдень, а ласково грело и казалось тоже умытым росой. Марина наслаждалась пением птиц, запахом свежескошенной травы. В последние годы она так много работала, что забыла, как прекрасен мир природы. И сейчас, оказавшись, в этом, как ей казалось, райском уголке, она старалась много гулять, жадно впитывая краски лета: бездонную голубизну неба, разноцветье радуги, аромат цветущих деревьев и цветов, шум вековых берёз, вершины которых были выше её балкона на седьмом этаже, где она вечерами любовалась закатом.

Марина вернулась в номер, чтобы переодеться к завтраку. Наташа уже встала и курила на балконе свою первую сигарету. Зайдя в комнату, она, как всегда, начала делиться впечатлениями:

– Марина, я приручила это чудовище. Представляю, что теперь скажут люди: такая красавица и этот Коля! А?

Наташа сделала паузу, видимо, ожидая от соседки дифирамбов в свой адрес, но Марина сдержанно промолчала: лукавить она не умела.

– Хотя внешне он, конечно, не Ричард Гир, но с ним не скучно. Мы гуляли, болтали, а потом он пригласил меня к себе в номер. А там у него целый ящик коньяка, шоколад и караоке, а ещё у него есть гитара. И мы...

Наташины излияния были прерваны громкой музыкой, которая ворвалась в номер сквозь открытый балкон; несильный мужской голос старательно выводил: «Помню, как мальчишка я босой...» Певец был явно не в ладах с нотами, но пел, что называется, с душой. Наташа воскликнула в полном восторге:

– Вот, слышите, ОНО завывло! – Марина рассмеялась вместе с ней. – А давайте пригласим его к нам. Устроим музыкальный вечер.

На том и порешили.

Этот день для Наташи не задался. За завтраком соседка по столику, чрезвычайно вежливая и забывчивая, ежеминутно извиняющаяся дама, съела заказанный Наташей омлет. Наташиному гневу не было границ:

– Как Вы посмели? – метала она молнии в виновато моргающую пожилую даму.

– Но, позвольте, Наташенька, у меня болит зуб, Вы на завтрак опоздали. Я решила, что Вы совсем не придёте, и выбрала то, что помягче. Возьмите мои сырники, у них такая хрустящая корочка.

– Это чёрт знает что! – не унималась Наташа – Теперь я должна бояться за свой обед. Ведь этак, если я запоздаю за стол, Вы и обед мой съедите.

– Ну, извините, ради Бога, я не стану больше так делать, – изнемогала от стыда несчастная Татьяна Николаевна.

– Да полно Вам, Наташа, ну, зуб у человека болит; возьмите мой омлет, если хотите, – вступилась за неё Марина.

Наташа надула губы и гордо отказалась. Завтрак прошёл в тягостном молчании.

Днём доктор не пришёл на массаж. Наташа в ярости не могла зажечь спички, чтобы прикурить, они ломались у неё в руках:

– Этот распутник сегодня дежурил и ночевал у Лариски в номере. Ну, помните, я Вам рассказывала: она каждый год приезжает сюда, чтобы встречаться со своим архангельским любовником. А у Серёжи ведь и жена здесь работает, такая серая мышь по сравнению с ним. Вкус у него напрочь отсутствует. Поначалу я была о нём лучшего мнения.

За обедом Татьяна Николаевна пугливо ждала, пока Наташа проверит соответствие своих блюд с заказом. Всё оказалось в полном порядке, но Наташа брезгливо косилась на сидящую рядом с ней глухонемую девочку, и когда та ушла из-за стола, она разразилась гневной тирадой:

– Это невыносимо: девочке двенадцать лет, а она чавкает, как свинья. Как только их там воспитывают в этих интернатах!

Марина попыталась заступиться за девочку:

– Она же глухая, поэтому ей трудно себя контролировать.

И тут же получила от Наташи свою порцию негатива:

– Вам бы, Мариночка не журналистом, а адвокатом работать: всех-то Вы жалеете, всех понимаете.

После ужина Марина смотрела телевизор, а Наташа, собираясь на танцы, никак не могла выбрать: надеть ей шиньон или парик. Она уже дважды продефилировала по комнате перед Мариной и в том и в другом. Марина спела ей арию подлизы: «Во всех ты, душечка, нарядах хороша», но Наташа не отставала и собиралась продемонстрировать ей все свои наряды из необъятной сумки на колёсиках. В это время в дверь постучали, и на пороге появился Коля. В одной руке у него была бутылка коньяка, в другой – гитара. Он, как всегда, был тщательно выбрит и аккуратно одет. От него пахло дорогим парфюмом. Он вежливо поздоровался и прошёл в комнату только после того, как Марина его пригласила.

Наташа с визгом умчалась в ванную, а Коля сел в кресло, и они с Мариной стали с интересом друг друга рассматривать. Утиный нос, тонкие губы и широкие залысины привлекательными назвать было трудно, но Марина отметила высокий загорелый лоб и умные, щёлочками глаза. Её взгляд привлекли спокойно лежащие на коленях Колины руки: они были сплошь покрыты татуировкой от пальцев до плеч. Коля усмехнулся:

– Что, думаешь: из грязи – в князи?

– Ну, примерно так.

– Я, конечно, сидел, но не за воровство и не за разбой. Всё значительно проще: любовника первой жены покалечил. Женился по страстной любви на продавщице нашего сельмага. А потом выяснилось, что она замуж за меня вышла, чтобы грех прикрыть: беременная была от женатого мужика. Он к ней и после замужества продолжал ходить, а я их застукал, ну и насадил его на вилы голым местом. Пока я сидел, жена к вину прирасталась. Я вернулся, а сын бабушку мамой называет. Попробовал её к нормальной жизни вернуть, уговаривал, кодироваться предлагал. Дочку родили. Но чем дальше жили, тем невыносимей. Всё кончилось тем, что повесилась она. Записку оставила: «Все мужики – козлы». Но ведь я её за семь лет ни разу пальцем не тронул, любил очень. А она этого, первого своего, забыть не могла.

Коля замолчал, вдохнул трудно, потом улыбнулся виновато:

– Что-то я как на исповеди. Может, за знакомство по глоточку, пока Наташа марафет наводит?

Он открыл коньяк, плеснул на доньшко чашек. Наташа выплыла из ванной, заворковала горлицей:

– Коленька, я почти готова. Думаю, что чашка коньяку перед дискотекой и мне не повредит.

После коньяка беседовать стало проще. Коля взял в руки гитару, предложил:

– Споём, девочки? – и тихонько запел Рубцовское: «Я долго буду гнать велосипед..»

Марина подхватила, Наташа молча жевала шоколад. Песня кончилась. Коля обратился к Наташе:

– Ну, и чего молчим, песню не знаем? Ты же литератор, я думал...

Наташа сердито прервала его:

– А ты не думай, налей лучше нам ещё.

– Да, пожалуйста, – Коля плеснул ещё по глотку, – главное – не спиться.

Наташа почему-то рассердилась ещё больше:

– А ты что, решил, что мы алкоголички?

Коля шутливо погрозил пальцем:

– Да кто вас знает, таких красивых!

Наташа вскочила, схватила телефон и вышла в коридор. Коля спросил вслед:

– Наташ, ты куда?

Она не ответила. Возникла неловкая пауза. Чтобы как-то разрядить обстановку, Марина предложила:

– А ты спой ещё, Коля. Гитара у тебя красивая. Дорогая, наверное.

– Дорогая. Я с детства музыку любил, но жизнь была трудная: шестеро нас у матери осталось после смерти отца. Он рано умер, мне, старшему, тринадцать исполнилось. Работать начал сразу после восьмого класса. Я уроки музыки стал брать четыре года назад, когда смог купить такую гитару, о какой мечтал.

– А как твои дети к музыке относятся?

– Дети? Я после смерти жены запил сильно. Однажды очнулся, вижу: семилетний Петька из винных бутылок остатки допивает. Дал ему по заднице, бутылки сгрёб, из дому выкинул и в город отправился деньги зарабатывать, семью кормить. Только никого я не спас: Петька подростком выпивать начал, бабушку не слушался, утонул по пьяному делу.

А дочка после девятого класса решила жить самостоятельно: вышла на дорогу, села на попутку и укатила в Питер. Стала проституткой. Убили её. Меня на опознание вызывали.

Марина, потрясённая перипетиями чужой судьбы, молчала, потом тихо спросила:

– Почему же ты детей к себе в город не взял, не воспитывал их сам?

– Куда бы я их взял? Я сам несколько лет по общагам мотался, потом жил у разных баб.

А когда на ноги встал, уже ни матери, ни детей не было. И теперь я богатый и свободный, – деланно улыбнулся он.

– Что же ты не женишься?

– А я женился, и не раз. Но не попадалось мне больше таких женщин, как моя первая была.

– Наташа на неё похожа?

– Нет, просто я ей зачем-то нужен. Где она, кстати?

– В коридоре, наверное, по телефону разговаривает.

В этот момент в номер вернулась Наташа. Окинув взглядом Марину и Колю, она насмешливо пропела:

– О, да тут у нас новая любовная пара созрела?

Коля усмехнулся, а Марина сначала оторопела, а потом со словами:

– Ой, да разбирайтесь вы сами, – выкатилась из номера и пошла бродить по аллеям санаторного парка.

Ночью Наташа попросила у Марины прощения и, как всегда, поделилась впечатлениями:

– Этот Коля такой прикольный и щедрый.

– Замуж звал?

– Да, но я за него не пойду. Не мой уровень, да и пятьдесят пять ему уже. Мне, конечно, за сорок, но я ведь так молодо выгляжу, что могу позволить себе тридцатилетних. На сегодняшний день у меня их двое, они от меня без ума. Есть ещё один кадр (мой запасной аэродром): ему шестьдесят, большая квартира в центре Вологды, очень обеспеченный и известный в обществе человек. Звал замуж. Мама советует выходить. Но ведь он старый!

В это время зазвонил Наташин телефон, она взяла трубку:

– Да-а, Николай Петрович. Я тоже... Да, я в санатории. Нет, приезжать не надо. У нас тут очень строго, никого не пускают. Ну, потерпите, я скоро приеду, тогда и поговорим. Да, мой дорогой, да, я тоже. Пока-пока, – она выключила телефон. – Старый пень, лёгок на помине. Больно он мне тут нужен! Как Вы думаете, Марина, выйти мне за него?

– Ну, не знаю, мне кажется, такие вопросы каждый решает сам.

– А что, думаю, детей ему не надо, у него уже внуки большие.

– Вы-то сами детей не хотите?

– Ой, Марина, за двадцать лет своего учительства я заработала неизлечимую аллергию на детей. И работать больше не хочу. Я уверена: Николай Петрович создаст мне комфортные условия, но как подумаю, что с ним в постель надо ложиться... брр, у него уже морщины и лысина во всю голову.

– А раньше Вам замуж выйти не хотелось?

– Хотелось. Я на третьем курсе училась, а он заканчивал институт. Но мама категорически была против. До сих пор помню выражение её лица и голос, когда она выносила смертный приговор моей любви: «Наташенька, этот голодранец нам не пара!» И не жалею. Спасибо, мамочка! Жизнь у меня весёлая: кавалеры, рестораны. Вы вот раз в три года можете позволить себе две недели в санатории, а я каждое лето на любой срок. Вернётесь домой, и на Вас опять обрушатся проблемы детей, внуки, а я ещё и на море съезжу. И никаких проблем!

Марина попыталась представить себе свою жизнь без детей и внуков. И ей вдруг стало жаль Наташу. Видимо, выражение лица Марины было столь красноречиво, что Наташа вдруг осеклась, потушила свет и затихла.

А Марина долго не могла заснуть. Она вспомнила, как познакомилась с мужем. Он приехал на побывку – моряк-черноморец, белозубый, синеглазый Бог морей и океанов. Бескозырка на затылке, косая сажень в плечах. Подошёл к ней в клубе, и девчонки рядом застонали от зависти. А он пригласил её на танец, обнял за талию и вёл так бережно, словно фарфоровую вазу нёс. И всё. Марина поняла, что это её принц. Много у неё было парней до Димы, но ни с одним так не стучало сердце, ни от одного не хотелось иметь ребёнка. Нет, он не бросал к её ногам соболей и жемчугов, он не построил ей дворец и не открыл счёт в швейцарском банке. Но ни разу в жизни он не оскорбил её бранным словом, не поднял на неё руку. Он не был подкаблучником, всегда поступал так, как считал нужным, но никогда не мешал и ей самовыражаться. Дети любили его, хотя он никогда не сюсюкал с ними. Нет, их жизнь не была безоблачной. Но ни разу Марина не пожалела, что вышла за него замуж, родила детей. Чем бы она ни занималась, какие бы проблемы ни решала, в конечном итоге самой большой наградой были маленькие семейные праздники, когда за столом в их доме собирались дети, сначала одни, потом со своими детьми.

Марина без особого усилия представила себе дорогие ей лица, пожелала всем спокойной ночи и уснула сном младенца.

Утром следующего дня Наташа собрала свои многочисленные наряды, записала Марине в блокнот номер контактного телефона и позвонила Коле, что её можно провожать. Коля с Мариной покорно несли за неторопливо вышагивающей Наташей чемоданы до самого пропускного пункта. Возле него её поджидал мужчина лет шестидесяти, в дорогом костюме, в шляпе и с тростью, при виде которого Наташа заворковала горлицей:

– Николай Петрович, ну, право, не стоило так волноваться, я бы и на такси доехала.

Лицо Николая Петровича излучало невыразимое счастье. Он промычал что-то невразумительное, хищно клюнул Наташу в протянутую ею царственным жестом руку и потащил её к “Волге”, не удостоив Марину с Колей даже взгляда.

Вечером Коля самозабвенно танцевал с очередной «Наташей», тщетно пытаясь обхватить её за необъятную талию. А Марина смотрела на него, сидя на лавочке, и подсчитывала оставшиеся дни санаторного безделья.

2009 г.

Чеченец

Звонок в дверь, раздавшийся в два часа ночи, выдернул Нину Сергеевну из постели. На кнопку давили изо всех сил, и, обычно мелодичный, звон теперь, в ночной тишине, грохотал, разрывая перепонки ушей. Нина Сергеевна побежала, теряя тапочки, в прихожую, припала к глазку и тут же торопливо открыла дверь. Перед ней переминался с ноги на ногу зять Вадик с перекошенным белым лицом и беспокойно бегающими глазами.

Увидев Нину Сергеевну, он возбуждённо заговорил, жестикулируя забинтованными руками:

– Мать, я всё-таки убил этого пацана. И койку его сжёг. Но он первый начал. Он этих чехов под кроватью прятал, а они другу моему Ромке голову отрезали. Я их всех замочил и больничку поджёг. Спрячь меня! Сейчас сюда менты приедут. Они меня уже ищут!

Вадик оттолкнул оторопевшую Нину Сергеевну и бросился в гостиную, попытался залезть под диван – не получилось – заметался по комнате.

Нине Сергеевне лишь через несколько минут удалось усадить его в кресло. Она гладила зятя по голове, уговаривала бьющегося в истерике парня:

– Вадик, сынок, успокойся, тебе всё это привиделось.

– Мать, я его подушкой задушил, а медсестре голову разбил графином, когда она его спасать вздумала. Чехи из-под кровати вылезать не хотели, так я постель поджёг. Менты сейчас здесь будут, но я им так просто не дамся!

– Вадик, ну, погоди, успокойся. Всё будет хорошо. Я тебя никому не отдам.

Нина Сергеевна прижала к груди голову зятя и словно младенца баюкала его. Ей удалось уговорить Вадика выпить успокоительное, и через полчаса он спал на диване, свернувшись калачиком.

Ещё один звонок заставил Нину Сергеевну вздрогнуть. Она заторопилась к двери. Это приехала дочь Оля. У неё было усталое лицо, заплаканные глаза. Поцеловав мать, она спросила:

– Вадик здесь?

– Да, Оленька. Что на этот раз?

– Мама, ты же знаешь, он на работе сильно обжёг кислотой руки. Его увезли в больницу. Там сосед по палате, видя, как он мучается от боли, предложил Вадиду водки. Ну, и началось: он разнёс палату, чуть не задушил парня и убежал через окно. Хорошо хоть первый этаж, а то к ожогу ещё и переломы бы добавились. Мне позвонили из больницы. Больничного ему теперь не видать. Обрато они его тоже не возьмут. Пару месяцев будем жить на мою зарплату. Лечение дорогое. Что делать, мам?

– Доченька, ты же знаешь, я всегда была против вашего брака. Оленька, уйди ты от него, пока не поздно, пока ребёнка от него не понесла. Ты подумай, кого ты родишь от этого «чеченца»!

– Мама, ну что ты говоришь?! Я же люблю его. Я два года его ждала. Разве Вадик виноват, что его родители, обычные учителя, не смогли сына от армии отмазать. Ты ведь знаешь: у многих, кто в Чечне служил, от спиртного крышу сносит. Вадик не пьёт. Ну, вот так получилось.

Нина Сергеевна тяжело вздохнула:

– Ох, Оленька, боюсь я за тебя, и Вадика мне жаль, но за твоих будущих детей мне ещё страшнее.

– Ладно, мам, пойдём спать. Вот увидишь: утром Вадик опять будет самым лучшим зятем на свете.

* * *

Утром Вадим появился на кухне, виновато пряча глаза. Тихо спросил хлопчущую у плиты Нину Сергеевну:

– Мама, я вчера что-то натворил?

– Да, уж, дорогой мой, проблем ты и себе и нам создал! Иди в спальню, Оля там, она тебе всё расскажет. Вадим повернулся и на цыпочках пошёл в дру, гую комнату.

Жена спала, приоткрыв по-детски пухлые губы. Густые светлые волосы рассыпались по подушке, на тонком запястье свесившейся с кровати руки пульсировала просвечивающая сквозь нежную кожу голубая жилка. Под глазами темнели круги. «Плакала, наверное, из-за меня, дурака», – подумал Вадим и опустился у постели на колени. Ему очень хотелось поцеловать жену, но он боялся нарушить её сон и тихо стоял, лаская взглядом милое лицо. Оля, словно почувствовав его присутствие, глубоко вздохнула и открыла глаза.

– Давно так стоишь? Иди сюда, – мягким со сна голосом сказала она и потянулась к нему. Вадим рванулся ей навстречу, сгрёб в охапку, не чувствуя боли в обожжённых руках, стал горячо целовать Олины губы, шею, грудь, бормоча между поцелуями:

– Прости меня, зайчонок, я, конечно, дурак! Думал: от водки станет легче. Прости! Я всё исправлю, если только никого не убил! Не убил?

– Ох, Вадик, и на этот раз обошлось. Но придушенного тобой парня еле откачали, медсестра отделалась испугом. Вадик, я не переживу, если ты натворишь что-то такое, за что тебя посадят в тюрьму.

Оля гладила широкие плечи мужа, его голову с короткими, по-армейски стриженными волосами. Вадим прилёг с ней рядом, крепко прижал жену к себе. Оля попросила:

– Дверь закрой, пожалуйста.

– Не бойся, зайчонок, твоя мать – интеллигентная женщина, она сюда не войдёт, зная, что мы вместе. Я так соскучился по тебе!

– Мы тоже соскучились, – сказала Оля и, таинственно улыбаясь, погладила себя по животу.

– Кто это мы? – спросил Вадим и дурашливо поцеловал жену в нос.

– Я и твой ребёнок.

Вадим подпрыгнул на постели:

– Что? У нас будет малыш? О, Господи, спасибо тебе!

Оля зажала ему ладошкой рот:

– Тише! Не вопи на весь дом. Я пока не хочу, чтобы это знал ещё кто-то, кроме нас с тобой.

Вадим, счастливо смеясь, горячо целовал жену, награждая её между поцелуями всеми ласковыми словами, какие он только знал:

– Солнышко ты моё, рыбка моя, милая моя девочка...

* * *

Оля была на седьмом месяце беременности, когда к ним в гости нагрянул бывший командир Вадима, с которым они полтора года служили в Чечне. Лейтенант был обязан ему жизнью. Вадим, сам раненный и контуженный, тащил на спине полумёртвого командира по горам почти двое суток, обливаясь кровью и время от времени теряя сознание. Увидев обезображенное ожогом лицо лейтенанта, Вадим до мельчайших подробностей вспомнил всё, что с ними тогда произошло.

Их взвод рано утром (до наступления жары) отправился на грузовике к новому месту дислокации. Вадим сидел на последней скамейке у заднего борта и наслаждался удивительной красотой раннего летнего утра в горах. Солдаты курили, переговаривались, а Вадим, подставляя лицо ласковым солнечным лучам, напрягал память, вспоминая строки из романа своего любимого писателя: «... амфитеатром громоздятся горы всё синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин... Весело жить в такой земле! Воздух чист и свеж, как поцелуй ребёнка; солнце ярко, небо синё – чего бы, кажется, больше?!» Вадим подумал: «Поручик Лермонтов написал эти строки почти 170 лет тому назад, а ведь, в сущности, ничего не изменилось, только военная форма да количество жертв с той и другой стороны».

Он вздохнул и хотел уже попросить у товарища закурить, но в это время машина остановилась, и Вадим услышал, как командир, открыв дверцу кабины, разговаривает с кем-то. Ему отвечал женский голос, а вскоре к заднему борту подошла молодая беременная чеченка в тёмном, наполовину скрывающем её лицо платке. Она «голосовала» на обочине, и лейтенант приказал водителю остановиться и подвезти её, как она просила, до ближайшего аула. Ехать в кабине женщина отказалась. Солдаты откинули задний борт, помогли ей забраться в кузов, уступили место поближе к кабине, где меньше трясло. Машина двинулась дальше, и притихшие, было, ребята опять заговорили кто о чём. Через несколько минут раздался сильнейший взрыв. Вадима выкинуло из кузова в придорожные кусты. Это спасло от переломов, но кусок металла догнал его, и от сильного удара в голову он на какое-то время потерял сознание. Когда Вадим очнулся, то увидел на дороге пылающую машину и несколько солдатских трупов возле неё. Превозмогая разрывающую голову боль и подступившую к горлу тошноту, он затропился к горящей машине, дёрнул ручку дверцы со стороны, где сидел командир, увидел, что на нём горят волосы и одежда, услышал хриплое: «Шахидка, сука!» – и упал под тяжестью свалившегося на него лейтенанта. Вадим волоком оттащил потерявшего сознание командира подальше от машины, потушил на нём тлеющую одежду и хотел ещё раз вернуться, чтобы поискать живых, но в это время взорвался бензобак, и грузовик разлетелся на сотни огненных кусков.

Лейтенант сильно обгорел и, видимо, был в шоке от боли. Вадима мучило от запаха горелого мяса, которым несло от командира; солёный пот разъедал его ободранное лицо, тупо болела рана на затылке, ноги подгибались и плохо слушались его, но он упорно тащил на спине безжизненное тело своего командира и уже не замечал той волшебной красоты, которая совсем недавно очаровывала его. Теперь уже чужие и враждебные горы окружали Вадима, ещё недавно ласковые, лучи солнца нещадно палили его окровавленную голову, и только одно слово, словно заклятие, стучало в висках в такт шагам:

«Жить, жить, жить»...

Вадим не помнил, как их подобрали свои и отправили его – в медсанбат, а лейтенанта – в госпиталь и потом в Москву, где след его затерялся. И вот теперь спасённый им командир, обезображенный ожогами, но живой, тискал Вадима в объятиях, хлопал по спине и растроганно басил:

– Здорово, спаситель, вот и свиделись!

– Здравствуйте, товарищ лейтенант, проходите! – светился улыбкой Вадим. – Оленька, иди сюда, я тебя со своим командиром познакомлю.

– Да ну, какой я тебе теперь «товарищ лейтенант»? И кончай «выкать». Просто Виктор, – лейтенант осторожно пожал руку вышедшей к ним Оле. – А чтоб ты окончательно понял, что мы с тобой теперь братья, надо по древнему обычаю выпить хорошего вина.

Лейтенант достал из рюкзака большую, оплетённую лозой бутылку:

– Вот чача, первый сорт! Наши ребята с Кавказа в госпиталь привезли. Я сохранил до встречи с тобой. Давай стаканы.

Оля выразительно посмотрела на мужа. Вадим слегка смутился:

– Командир, завязал я с этим делом.

У лейтенанта вытянулось лицо:

– Да ты что, Вадик? Я эту бутылку три месяца, как невесту, берёг, а ты выпить со мной не хочешь! Не по-мужски как-то получается, брат.

Оля, накрывая на стол, тихо попросила:

– Не надо, Вадик, ты же знаешь, чем всё это закончится.

Вадим посмотрел на огорчённое лицо командира и сказал:

– Ладно, Оленька, всё будет в порядке. Мы по чуть-чуть. Ты не бойся.

Но «по чуть-чуть» не получилось: они вспомнили аховые ситуации, из которых чудом выбрались живыми там, в горах; вспомнили друзей-однополчан; помянули погибших, каждого в отдельности, потому что для них эти молодые ребята, по чужой воле ставшие пушечным мясом, навеки останутся девятнадцатилетними. И за каждого пили, словно стараясь залить до сих пор полыхающий в их душах пожар проклятой чеченской войны.

Оля ушла в спальню, легла, обвязав разболевшуюся голову смоченным в растворе уксуса платком. Часа в два ночи осоловевший лейтенант с трудом добрался до дивана, а Вадим заснул, положив голову на стол. И опять приснился ему кошмар, в котором боевики убивали его друга.

Вадим с Ромкой охраняли блокпост, когда на них напали. Бой был коротким. После взрыва брошенной им в ячейку гранаты Вадим очнулся, спустя минут тридцать. Он едва разлепил залитые кровью веки и в нескольких метрах от себя увидел группу боевиков, остервенело избивающих окровавленного Ромку. У него что-то спрашивали, но он ничего не отвечал, только глухо вскрикивал после каждого удара. Вадим поискал глазами пулемёт, из которого они с Ромкой отстреливались от внезапно напавших на них моджахедов, и увидел его, развороченного взрывом, недалеко от себя. Автоматы, его и Ромкин, висели на плече одного из боевиков. Вадим заскрипел зубами от бессилия помочь другу и на мгновение, как ему показалось, закрыл глаза.

Когда он открыл их снова, то увидел друга стоящим на коленях. Здоровенный бандит с ножом в руках шагнул к нему – и Ромкина голова с широко распахнутыми синими глазами покатилась к Вадиму, оставляя кровавый след на камнях. Вадим вцепился зубами себе в руку, чтобы заглушить крик ненависти и боли, и в очередной раз потерял сознание.

Оле не спалось. Она встала и потихоньку побрела на кухню, поглаживая руками живот. Малыш толкал её изнутри, беспокоился, не спал, как и она. Оля остановилась на пороге кухни, глядя на заснувшего в неудобной позе Вадика, увидела искажившееся во сне, мокрое от слёз лицо мужа, услышала, как он стонет и скрипит зубами. Волна жалости и любви к нему захлестнула её сердце. Она шагнула к столу, положила на голову мужа ладонь. Вадима словно током ударило. Он вскочил, не понимая, где находится. Перед глазами всё ещё были бородатые морды боевиков, хохочущих над истекающим кровью трупом друга Ромки. Взгляд его упёрся в лежащий на столе спецназовский нож – подарок лейтенанта. Вадим схватил его и, как учили, молниеносно нанёс два удара в фигуру с тёмной повязкой на лбу: снизу – в живот и выше – в сердце.

*2009 г. (Литературный альманах «У Щекиной» № 1 2009 г. издатель Э.РА (Израиль)
издательский № 327312393)*

И аз воздам!

Притча

В то утро, когда взошло солнце нового, XXI века, Господь сидел на самой высокой горной вершине и печально глядел в просвет между облаками на распростёртую внизу землю. Горькая складка глубоко залегла у него на лбу меж бровей. Ветер шевелил его волосы и одежды. О чём думал он?

Вдруг грубый голос раздался над ним:

– Что печалишься, Господи? Неужто из-за этих двуногих тварей, что копошатся внизу? Ты ещё не устал предлагать человечеству свои десять заповедей, которые давным-давно устарели и никому не нужны?

Господь поднял глаза: с другой вершины на него насмешливо взирал Дьявол.

– Ты лжёшь, исчадие Ада, – ответил Бог, – люди любят меня. Посмотри, сколько новых храмов, моих домов, возводится в одной только России. Поруганные церкви восстанавливаются, число моих слуг растёт.

– А на какие деньги строятся твои дома?! – взвизгнул Дьявол. – Не на лепту сырых и убогих. Отнюдь! Богачи «отмывают» свои денежки, покупают у тебя местечко в Раю. А слуги твои благословляют их от твоего имени, вместо того, чтобы изгнать нечестивых. Разве не так? А кому нужны твои заповеди? Кто их соблюдает? Хочешь поспорить? Ну, давай по порядку: «Я Господь Бог твой; да не будет у тебя других богов пред лицом Моим». Это твоя первая заповедь. Да посмотри вниз! Что там делается: буддисты, исламисты, сектанты разных толков, и у каждого – свой Бог. Хотя, пожалуй, есть и общий, но не ты, а Золотой Телец, ради которого люди отдают мне свои бессмертные души. Их так много у меня скопилось, что в аду, как и в тюрьмах на земле, стало тесно.

Вспомним заповедь № 2: «Не сотвори себе кумира, и всякого подобия того, что на небе вверху, и что на земле внизу, и что в воде ниже земли; не поклоняйся им и не служи им». Но люди ведь только этим и занимаются. А чтобы кумиров плодить было сподручнее, они выдумали телевидение. И теперь небольшая кучка людей зомбирует всех остальных, внушая им, что есть, пить, носить, как и о чём думать. Твою Книгу Книг читают лишь священники, а все прочие – то, что не заставляет думать, а помогает убить время.

Ты сказал: «Не произноси имени Господа Бога твоего напрасно, ибо Господь не оставит без наказания того, кто произносит имя его всуе». Но люди часто упоминают имя твоё совсем не для того, чтобы благодарить тебя. Они произносят его рядом с моим, смешивая с грязной руганью. Особенно любят это делать русские и американцы. Тут им нет равных.

Твою четвёртую заповедь: «Помни день субботний, чтобы святить его. Шесть дней работай, и делай всякие дела твои; а день седьмой – суббота Господу Богу твоему» – соблюдают лишь немощные старики и старухи. Загляни в воскресный день в храмы, кого ты увидишь там?

Ты велел: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, даёт тебе». А в любимой тобою России с каждым годом увеличивается количество стариков в домах престарелых и сирот при живых детях и родителях.

Твоя шестая заповедь гласит: «Не убий!» Однако в человеческом обществе профессия киллера едва ли не самая высокооплачиваемая, и кровь людская, что водица, льётся рекой во всех регионах.

«Не прелюбодействуй», – говоришь ты. Почему же молчат твои слуги, видя, как развращает так называемая «массовая культура» невинных детей? Звёзды шоу-бизнеса учат девочек одеваться и вести себя подобно проституткам, а в мальчиках развивают животные инстинкты. Назови мне хотя бы пять современных фильмов, где не смакуются человеческие пороки, среди

которых воровство (судя по тому, какие привлекательные образы воров создаёт кинематограф) – самое невинное преступление. А ты говоришь: «Не укради»!

Ещё ты учишь: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего». Но скажи мне, Господи, разве сильные мира сего не лгут друг другу и своему народу с телевизионных экранов и газетных страниц?

И, наконец, десятая твоя заповедь: «Не желай дома ближнего твоего; не желай жены ближнего твоего, ни раба его, ни рабыни его, ни вола его, ни осла его, ничего, что у ближнего твоего». Но ведь причина бесконечных войн, которые люди ведут беспрестанно, именно в этих желаниях. Разве не так, Господи?

Тяжко вздохнул Господь и, осушив катившиеся по щекам слёзы, тихо, но твёрдо сказал: – Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам, но время близко. Неправедный пусть ещё делает неправду; нечистый пусть ещё сквернится; праведный да творит правду ещё, и святой да освящается ещё. Се, грядущее скоро, и возмездие Моё со Мною, чтобы воздать каждому по делам его. И аз воздам!

2010 г. (Районная газета «Искра» № 10 2010 г.)

Две потери

Мне было одиннадцать лет, когда мои родители, даже не поинтересовавшись, хочу ли я этого, увезли меня из маленького южного городка в небольшое вологодское село – родину отца. Здесь всё было другое: чужое и даже враждебное мне. Среди одноклассниц, сплошь белокожих, белобрысых и голубоглазых, моя смуглая мордашка с карими глазами, видимо, слишком резко выделялась, привлекая чрезмерное внимание и одноклассников, и мальчишек постарше. Это очень раздражало одноклассниц, а также мой акающий говор, банты в косичках, белые гольфы и туфельки, потому, видимо, что они, как было принято в деревне, даже летом ходили в платках и в сапогах. Их ужасно сместило то, что ко всем старшим, и даже к своим родителям, я обращалась на «Вы», читала толстые книги и боялась коров. Говорить мне с девчонками было решительно не о чём, поэтому очень скоро самыми близкими друзьями для меня стали живущие по соседству одноклассники Вовка и Лёнчик. Несмотря на банты и белые гольфы, я быстро выучилась у них лазить по деревьям, свистеть в два пальца и гонять на велосипеде.

Вовкины родители были учителями, кроме него в семье росли ещё три девочки – старшие сёстры. Вероятно, поэтому он никогда не ругался матом, как другие мальчишки, не курил и носил костюм. Рослый, сероглазый, он наверняка нравился девчонкам, но я не помню, чтобы Вовка за кем-нибудь ухаживал.

Лёнчик был девятым ребёнком из двенадцати детей колхозного бригадира. Маленький, слегка косоглазый, не унывающий ни при каких обстоятельствах, он знал уйму смешных и страшных историй, ловил руками рыбу в реке, словно кошка, мог залезть куда угодно.

Эти двое частенько ходили с синяками, так как им приходилось вести рукопашные бои со старшими ребятами, которые весьма своеобразно оказывали мне знаки внимания: дергали за косички, выкручивали руки или устраивали в моём портфеле террарий, поселяя в нём лягушек и ящериц. Вовкина мама в разговорах с моей сокрушалась, что её Володенька часто падает лицом на землю (так мой приятель объяснял ей происхождение фонарей то под левым, то под правым глазом). Родителей Лёнчика ссадины и синяки на лице сына не волновали.

До четырнадцати лет мы были неразлучны. Вместе ходили в школу и из неё. Зимой катались на лыжах, летом качались на качелях, играли в казаки-разбойники, вечерами пекли на костре картошку и пели военные песни, учились ездить на Вовкином мопеде, бегали в кино, а в дождливую погоду я читала мальчишкам вслух свои любимые книги (у меня одной была отдельная комната с закрывающейся дверью). В этой самой комнате однажды, дурачась, Вовка ткнул меня своим выросшим до размеров пудовой гири кулачищем в живот и тут же, увидев, как я с выступившими на глазах слезами хватаю ртом воздух, рухнул передо мной на колени и, целуя мои прижатые к солнечному сплетению руки, испуганно стал просить: «Ну, тресни мне по глупой башке, вот увидишь – тебе полегчает!»

После этого случая дружеское рукоприкладство (например, щелбаны в мой лоб при проигрыше в шашки или шахматы) со стороны приятелей совершенно прекратились. Но разве я смогу забыть, как мои закадычные друзья, взяв меня в плен во время игры в казаки-разбойники, однажды устроили мне допрос с пыткой. Вовка пару раз хлестнул по моим голым ногам крапивой и, увидев, что я, сдержавшись изо всех сил, не заревела, окончательно вошёл в роль закоренелого бандита и вдобавок укусил меня за палец. Тут уж слёзы брызнули во все стороны, но опять не у меня, а у Лёнчика, который, поразившись жестокости друга, кинулся на мою защиту. Они, пытаясь, катались по траве, а я, подвывая от боли в пальце, пыталась растащить их. Потом мы все трое стояли по колено в речке, остужая мои ошпаренные крапивой ноги, и придумывали, как объяснить Вовкиной маме, почему у его пиджака оторвался рукав.

Когда нам исполнилось по четырнадцать лет, у меня появился кавалер – наш участковый, парень лет двадцати. В клубе он настойчиво приглашал меня на танец, угощал конфетами,

говорил какие-то глупости, а мои верные друзья мрачно смотрели на нас из какого-нибудь угла. Сами они никогда не приглашали меня танцевать и вообще не танцевали. Видимо, в этом возрасте танцы для них были глупейшим занятием, а я обожала подвигаться под музыку. Когда мой кавалер после танцев провожал меня домой, два моих приятеля на приличном расстоянии следовали за нами, как бы я ни ругалась с ними, требуя, чтобы они прекратили сопровождать меня повсюду. И всякий раз, как мой ухажёр робко обнимал меня за плечи, позади раздавалось презрительное посвистыванье и невнятные угрозы. Вскоре кавалера моего куда-то откомандировали, Лёнчик уехал учиться в ПТУ, а мы с Вовкой пошли в среднюю школу, которая находилась в восьми километрах от нашего села, в другом посёлке. И тут я влюбилась.

* * *

Два раза в неделю (в понедельник и в субботу) мы ехали на попутках, а чаще топали пешком в посёлок (и из него), раскинувшийся по берегам довольно глубокой реки; через неё нам приходилось переправляться на пароме, чтобы попасть в школу. Народу на берегу всегда было много, особенно «скубентов», как называл школьников вечно пьяный паромщик. Пока ждали переправы, общались на всю катушку. Обязательно находился у кого-нибудь транзистор, настроенный на «Маяк», а то и гармошка или гитара. Тогда устраивались танцы, и всем было весело без вина.

Новая школа мне очень понравилась, хотя жизнь мою здесь с самого начала лёгкой назвать было нельзя. Учителя наши оказались замечательными людьми, все, кроме одного. Молодой физик Алексей Сергеевич произвёл на женскую половину нашего с Вовкой нового класса неотразимое впечатление: атлетическая фигура, безукоризненный костюм, модный галстук, красивое кукольное лицо. Он был похож на артиста с обложки очень популярного среди старшеклассниц журнала «Советский экран». Девчонки млели, глядя, как Алексей Сергеевич выписывает на доске формулы, и зубрили физику больше, чем какой-либо другой предмет. А мне не нравился его слащавый голос, его манера поправлять на моей груди комсомольский значок и обнимать за плечи, когда он склонялся над моей тетрадью, чтобы проверить, как я решаю задачи. Всякий раз, как Алексей Сергеевич это делал, я слышала, что сидящий позади меня Вовка начинал тяжело дышать и стучать под партой ботинками. В классном журнале по физике у Вовки «тройки» часто перемежались с «двойками», у меня практически в каждой клеточке стояли «пятёрки». В конце октября идиллия закончилась.

Однажды во время урока Алексей Сергеевич, объясняя новый материал, увидел в приоткрытую дверь класса, как из лаборантской удирают запертые там им в наказание шестиклассники (он был у них классным руководителем). Прервав объяснение, Алексей Сергеевич приказал моим одноклассникам догнать беглецов, наподдавать им хорошенько и запереть их снова. Ну, разве могла я, недавно прочитавшая «Педагогическую поэму» Макаренко, усидеть спокойно после всего этого?! Конечно, нет. Я вскочила и, глядя физику прямо в его кукольные глаза, решительно заявила:

– Алексей Сергеич, это непедagogично!

Рванувшиеся, было, к дверям парни замерли на месте. Лицо учителя стало свекольным.

– Что-о? – полушёпотом переспросил он.

Я повторила свои слова. Тогда Алексей Сергеевич вытянул по направлению к двери длинный палец холёной руки и завизжал по-пороссячи:

– Во-о-н!

Я гордо удалилась, а со мной и мальчишки, отказавшиеся выполнять приказ. Парни гурьбой отправились в школьный сад курить, а я пошла на берег реки, села на скамью и бездумно стала смотреть, как плывут по тёмной осенней воде жёлтые листья. Вдруг кто-то подошёл и сел рядом. Повернув голову, я увидела карие глаза с длинными, как у девчонки, ресницами и

буйные смоляные кудри. Парень, белозубо улыбнувшись, предложил мне свой пиджак. Я его накинула на плечи – в одном свитере мне было холодновато. Так я влюбилась в Серёжку из 10 «В».

* * *

Мы катались вечерами на его мотоцикле, а когда совсем похолодало, ходили каждый день в кино на последний сеанс, и Серёжка, предлагая погреть мне руки, сжимал мои пальцы в своих больших сильных ладонях и целовал их горячими губами, щекоча шелковистыми усиками, едва пробивающимися над верхней губой. Я жила на квартире у колхозного парторга – прийти домой после одиннадцати часов вечера страшно было даже подумать, и мы каждый раз, взявшись за руки, неслись из клуба бегом, боясь опоздать.

Теперь на уроках физики, как бы я ни отвечала, в журнале неизменно появлялась двойка. Меня это не трогало, так как мои мысли и чувства находились в другом измерении. И если бы не классная руководительница, я так и плыла бы по волнам своей первой любви, нимало не заботясь об успеваемости. Тамара Георгиевна, обнаружив в журнале среди «пятёрок» и «четвёрок» по другим предметам кучу «двоек» по физике, быстро выяснила, в чём тут дело, и потребовала собрать педсовет, который постановил мне сдавать зачёты по физике другому учителю, а Алексей Сергеевич сделался со мной подчёркнуто вежлив и официален.

Мой друг Вовка вдруг стал молчалив и угрюм. Он наотрез отказался жить на квартире и каждый день ездил на попутках домой, а то и ходил пешком. Я присоединялась к нему по субботам и понедельникам. Однажды, в одну из ноябрьских суббот, рейсовый автобус сломался (с ним это часто случалось), и мы с Вовкой отправились домой пешком. Серёжа проводил нас до парома и несколько минут махал мне рукой. Вовка, нахмурившись, отошёл в другой угол, а я осталась у сходней, чтобы подольше видеть любимого. На середине реки перевозимые на пароме вместе с людьми телята, испугавшись голоса пьяного паромщика, которому приспичило спеть частушку, кинулись к моему краю. Паром накренился, я едва успела схватиться за поручень и тут же с ужасом почувствовала, как ледяная вода, обжигая мне ноги, хлынула в сапоги. Иссиня – бледный Вовка бросился ко мне, рванул за руку, увлекая на другой конец парома. Он вылил воду из моих сапог, снял с себя носки и велел мне переодеться. Нам повезло: в нашу сторону шла попутка. Мы ехали в кузове «газика». Через несколько минут езды у меня зуб на зуб не попадал. Вовка расстегнул куртку, обнял меня, укрывая её полами. Прижимаясь к его груди, я слышала, как бешено стучит у моего приятеля сердце.

Через полчаса я перестала чувствовать свои ноги, думаю, что и Вовка тоже: резиновые сапоги на босу ногу вряд ли его грели. К вечеру я слегла с высокой температурой. Как ни странно, друг мой после этого происшествия повеселел и сделался чрезвычайно общителен и разговорчив. Он продолжал учиться, а я болела. Вовка каждый день приносил мне домашнее задание, делал со мной уроки и трещал без умолку, забалтывая меня насмерть. Мне было грустно: я сучала по шёлковым кудрям.

И вот однажды, дней через пять после случившегося, вечером под моим окном вдруг раздался треск мотоцикла, и в дверном проёме появилась моя любовь в мотоциклетном шлеме и в грязи по самые уши. Стоя на пороге моей комнаты, он смущённо и радостно улыбался, глядя на меня своими шоколадными глазами; в одной руке он держал заляпанные грязью сапоги, в другой – кулёк конфет, а из рваного носка на правой ноге выглядывал красный от холода палец. Я так обрадовалась, что потеряла дар речи, и только протянула к нему обе руки. Серёжка, почему-то на цыпочках, подошёл к моей кровати, наклонился, отведя назад занятые руки, и поцеловал меня прохладными нежными губами. Это был наш первый поцелуй. Он был таким сладким, что потом мы уже не могли остановиться и целовались без конца и где попало. В школе, одновременно отпрашиваясь с уроков, мы встречались под лестницей на второй этаж и

целовались, как сумасшедшие. За этим занятием нас однажды и застучала моя классная руководительница. Всё могло закончиться исключением из школы. Но, спасибо ей, эта умная и добрая женщина нашла для нас такие слова, которыми, не обидев, она убедила нас не давать волю своим чувствам хотя бы в школе.

Вовка как-то отдалился от меня, но я всегда чувствовала его неустанное внимание. Его глаза постоянно следили за мной. Слеплённая переполнявшим меня счастьем, я не обращала внимания на то, что теперь мой друг почти никогда не улыбался. Лишь на выпускном вечере, когда он одновременно с Серёжей подлетел пригласить меня на танец, я вдруг увидела, какие грустные у Вовки глаза. Тогда я не пошла танцевать ни с кем из них: я заметила, как все в зале с интересом смотрят на нас, ожидая, кого же я выберу. А я пригласила на танец стоящего рядом физрука. После выпускного Серёжа пошёл провожать меня домой. О Вовке я даже не вспомнила. Восемь километров до моего посёлка мы шли всю ночь. У калитки моего родного дома мы поцеловались распухшими губами в последний раз и расстались, как оказалось, навсегда: через два дня Серёжу призвали в армию. Писать письма мы оба оказались не любители, а дальнейшая жизнь сложилась так, что больше мы с ним никогда не встретились.

Ночью я редела от тоски по Серёже, а днём мы с Вовкой готовились к поступлению в институт. Мы валялись на покрывале под палящими лучами солнца у нас в огороде и пересказывали друг другу учебник истории. Однажды, прикрыв глаза, я слушала Вовкин монотонный голос, стараясь не отвлекаться на мысли о Серёже, как вдруг почувствовала на своих губах горячее Вовкино дыхание и услышала хриплое:

– Научи меня целоваться.

Широко открыв от изумления и неожиданности глаза, я спросила у него довольно ядовито:

– Вы, сэр, на солнышке перегрелись что ли?

Лицо у Вовки стало пунцовым. Опустив ресницы, он тихо сказал:

– Знаешь, сколько раз вы с Серёжкой поцеловались, когда шли с выпускного? Я сосчитал.

– Ну, и дурак. Зачем ты это сделал?

Вместо ответа Вовка поднял на меня невыразимо грустные глаза и спросил, неровно дыша и близко наклонившись к моему лицу:

– Можно тебя поцеловать?

Я молча закрыла глаза, а он на миг прижался к моим губам своими неумелыми губами, потом вскочил, собрал книжки и убежал.

На следующий день Вовка уехал в Архангельск поступать в институт, а я отправилась в Вологду за тем же самым. Жизнь развела нас в разные стороны. И только через много лет я поняла смысл очень мудрой русской поговорки: «Что имеем – не храним, потерявши – плачем».

2011 г. (Сборник финалистов Всероссийского литературного конкурса «Мы родом из школы» «Школа жизни». Составитель Дмитрий Быков – Москва: издательство АСТ, 2015 г. – 507 стр., ISBN 978-5-17-091164-6 (проект «Народная книга»).

Почему?

Кто-то сказал, что горе объединяет. Но Иван Иванович Родин не согласился бы, если бы это сказали ему. С тех пор, как пропал сын, он не мог находиться в квартире один на один с женой, у которой глаза не просыхали от слёз. Поначалу он пытался её уговаривать, но очень быстро исчерпал все аргументы, по которым выходило, что ничего страшного не произошло и надо просто жить и ждать вестей от Саши. Через две недели Иван Иванович стал искать причины, по которым ему с самого утра нужно было уйти из дома. Он выдумывал неотложные дела, и, наскоро проглотив стакан чаю, спешил покинуть квартиру, стараясь не смотреть на жену. Он злился на неё, считая, что своим поведением она накликает беду, загодя хороня их единственного сына, который пропал почти месяц назад. Сашка не отвечал на звонки, не звонил сам. Его бывшая жена Оля, с которой они давно развелись из-за несходства характеров, ничего не знала о нём и не хотела знать. На работе тоже не знали, куда делся их сотрудник.

Иван Иванович не спал уже несколько суток. Он ложился в постель рядом с женой, поворачивался к ней спиной и имитировал сон, сопя и похрапывая, и ждал, когда жена заснёт беспокойным сном, прерываемым всхлипами и невнятным бормотанием. Потом он вставал, садился в кресло напротив окна, смотрел на звёзды и думал о сыне. Он вспоминал, каким его сын, теперь уже сорокачетырёхлетний мужчина, был в детстве.

Сашка рос смышлёным и добрым. С раннего детства он полюбил ездить с отцом в деревню, ходить на рыбалку, собирать в сосновом бору грибы-ягоды. Особенно любили они проводить короткие летние ночи у костра на берегу реки. В котелке кипятили чай со смородиновым листом, пекли в углях картошку, если рыбацкая удача улыбалась, варили уху. Иван Иванович, под весёлый треск сучьев в костре читал сыну свои стихи, которые сочинял с молодости. В лице Сашки он нашёл благодарного слушателя. Сын с интересом внимал его творениям, смеялся и грустил вместе с отцом, задавал вопросы. А ещё он обладал удивительным даром – в кусках дерева умел видеть то, что не удавалось разглядеть Ивану Ивановичу. Сын брал в руки древесный корень, слегка подправляя природу ножом, и получалось необыкновенное лесное существо. В их квартире на полках и шкафах жило множество лесовиков, леших, русалок и лесных зверушек. Когда сын уехал из дома и зажил самостоятельной жизнью вдали от родителей, Иван Иванович бережно хранил деревянные фигурки, сам обтирал с них пыль, и иногда, когда особенно начинал скучать по сыну, даже разговаривал с ними.

Сын достался им с женой нелегко: Иван Иванович вспомнил выражение лица медицинского светила, к которому они обратились через два года после свадьбы по поводу отсутствия у них детей. Узнав, что Иван Иванович служил на атомном крейсере и облучился во время ликвидации аварии, профессор заявил тогда Ивану Ивановичу вполне категорично:

– Детей у вас не будет никогда. У людей, получивших такую дозу облучения, детей не бывает. Разве что чудо случится.

И, тем не менее, после нескольких лет упорного лечения, чудо произошло: жена в 28 лет родила их единственного ребёнка, такого долгожданного и бесконечно любимого. Они знали о каждом часе Сашкиной жизни. Уехав из дома, сын исправно писал родителям письма, звонил им каждый день. И вдруг пропал.

Иногда Иван Иванович засыпал прямо в кресле на несколько минут тревожным, не приносящим облегчения сном. Вот и сегодня он задремал уже под самое утро, когда небо начало светлеть за окном. И приснился ему сон: маленький (лет трёх) Сашка стоит на платформе подземки и горько плачет, а вокруг сплошным потоком идут люди, и никто не обращает на него внимания. Ивану Ивановичу так жаль стало сына, что сердце его содрогнулось и забилось неровно и больно. Он застонал и проснулся, а в ушах всё ещё звучал горький Сашкин плач. В это утро он принял решение ехать в Петербург искать сына.

* * *

В отделении милиции того района, в котором жил Сашка, Ивану Ивановичу дали адреса моргов, и уже во втором из них ему показали невостребованный труп Родина Александра Ивановича, которого на следующий день должны были похоронить за казённый счёт в общей могиле. Следователь, который вел дело погибшего Родина А. И., показал Ивану Ивановичу видеозапись, сделанную камерой наблюдения в метро, где с безжалостной ясностью были запечатлены последние минуты жизни сына. Вот Сашка вышел из вагона, достал из кармана коробочку с антеникотинowymi леденцами (он два месяца назад бросил курить), кинул один в рот и через несколько секунд схватился за горло, потом упал на перрон, забился в конвульсиях. А мимо него сплошным потоком шли люди, обходя его с двух сторон, и ни один не остановился, не наклонился к умирающему от удушья человеку. В заключении судебного медэксперта Иван Иванович прочитал: «Смерть наступила от асфиксии в результате налипания леденца к стенкам дыхательного горла».

Не поедь Иван Иванович в Петербург ещё один день, и они с женой никогда бы не узнали, что случилось с их сыном. При Сашке были документы, был мобильный телефон. «Почему никто не сообщил нам раньше?» – этот вопрос Иван Иванович задавал в милиции, в морге, следователю, и ни от кого не получил вразумительного ответа. Ему сказали, что милиция сделала запрос по месту прописки, но никто не ответил, а на балансе телефона не оказалось денег. И было принято решение похоронить невостребованный труп Родина А. И. как бомжа, за государственный счёт.

«Похоже, закопать человека у нас проще, чем сделать звонок по мобильнику, в телефонной книге которого есть запись: "Папа", – с горечью думал Иван Иванович, глядя в окно нанятой им машины, на которой он вёз гроб с телом сына домой. Он не позвонил жене о результатах поиска, боясь, что без него она не вынесет окончательного осознания того, что Сашки больше нет. Он решил, что расскажет ей всё, когда они, обнявшись, сядут возле гроба и будут горевать о потере и утешать друг друга, как они делали всегда в тяжёлые минуты их долгой одинокой жизни.

После похорон сына Иван Иванович потерял интерес ко всему на свете. На его лице появилось выражение недоумения, словно он постоянно задавал окружающим этот свой вопрос: «Почему?», – и всё ждал от людей ответа.

2011 г. (Журнал «Северная окраина» № 37, 2016 г., Череповец, издательство «Окраина», – 148 стр., ISBN 978-5-9907887-5-6).

1812

Повесть в эпистолярном жанре

Здравствуй, любезный друг мой Валуев! Ты, верно, уже не чаял получить от меня письмо. Прости – долг службы стал причиной моего длительного молчания. Да будет тебе известно, что я состоял в эскорте господина министра полиции Балашова, которого Государь отправил к императору Наполеону с письмом после того, как обнаружилось, что французские войска 24 июня перешли границу Отечества нашего.

Представь себе, вражеское нашествие началось без объявления войны! Внешнюю причину послужило то, что наш посол князь Куракин неотступно требовал два раза в один день паспортов выехать из Франции. Государь не хочет войны, но твёрдо стоит на том, что не намерен вести никаких переговоров с французским императором, докуда хоть один вооружённый француз будет в России. Войско неприятеля огромно – шестнадцать иноплеменных народов привёл Бонапарт на брань против нас!

Со времени Петра I никогда враг не проникал в наши пределы. И вот он в Вильне, которая два месяца была главной квартирой Государя! Поляки, ещё недавно присягавшие в верности России, кричат на улицах Вильны Наполеону: “Виват, Цезарь!” Думаю, пришло время для каждого русского доказать свою любовь к Родине.

Июля 1 дня 1812 г. Михаил.

Здравствуй, дорогой Мишель. Пишу тебе, не дожидаясь письма с твоей стороны, поскольку хочу поделиться с тобой последними новостями, которые слышны в обществе. Все говорят о неизбежности войны с Наполеоном. Получено известие о мире с турками, границею меж нашими государствами стала река Прут. Кутузов отозван из Молдавской армии, а поручено всё и флот Чичагову, он и мир заключил. Известие сие всех чрезвычайно обрадовало: ведь даже нам, гражданским лицам, понятно, что воевать на два фронта чрезвычайно тяжело.

Теперь ожидают объявления войны с французами. Всех отставных офицеров приглашают в службу в новоформирующиеся двенадцать полков. С Англиею сближение весьма приметно: в колониальных лавках много английских товаров, которые пользуются большой популярностью у москвичей, чей патриотический дух не приемлет всего французского.

В городе весьма жарко, и я намерен отправиться в своё подмосковное имение. Надобно подготовить маменьку к мысли о том, что и мне, как честному человеку и гражданину, необходимо быть в войсках.

Дружески тебя обнимаю. Твой Фёдор.

Июня 24 дня 1812 г.

Здравствуй, друг мой Фёдор! Спешу с прискорбием тебе сообщить, что по приказу генерала де Толя мы отступаем. Сначала решено было действовать наступательно, но непомерное превосходство сил Наполеона, сосредоточившихся на Висле между Кенигсбергом и Варшавой, и некоторые политические обстоятельства побудили командующего переменить план и вести войну оборонительную. В войсках такое решение вызвало негодование не только у нас, офицерского состава, но и среди нижних чинов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.